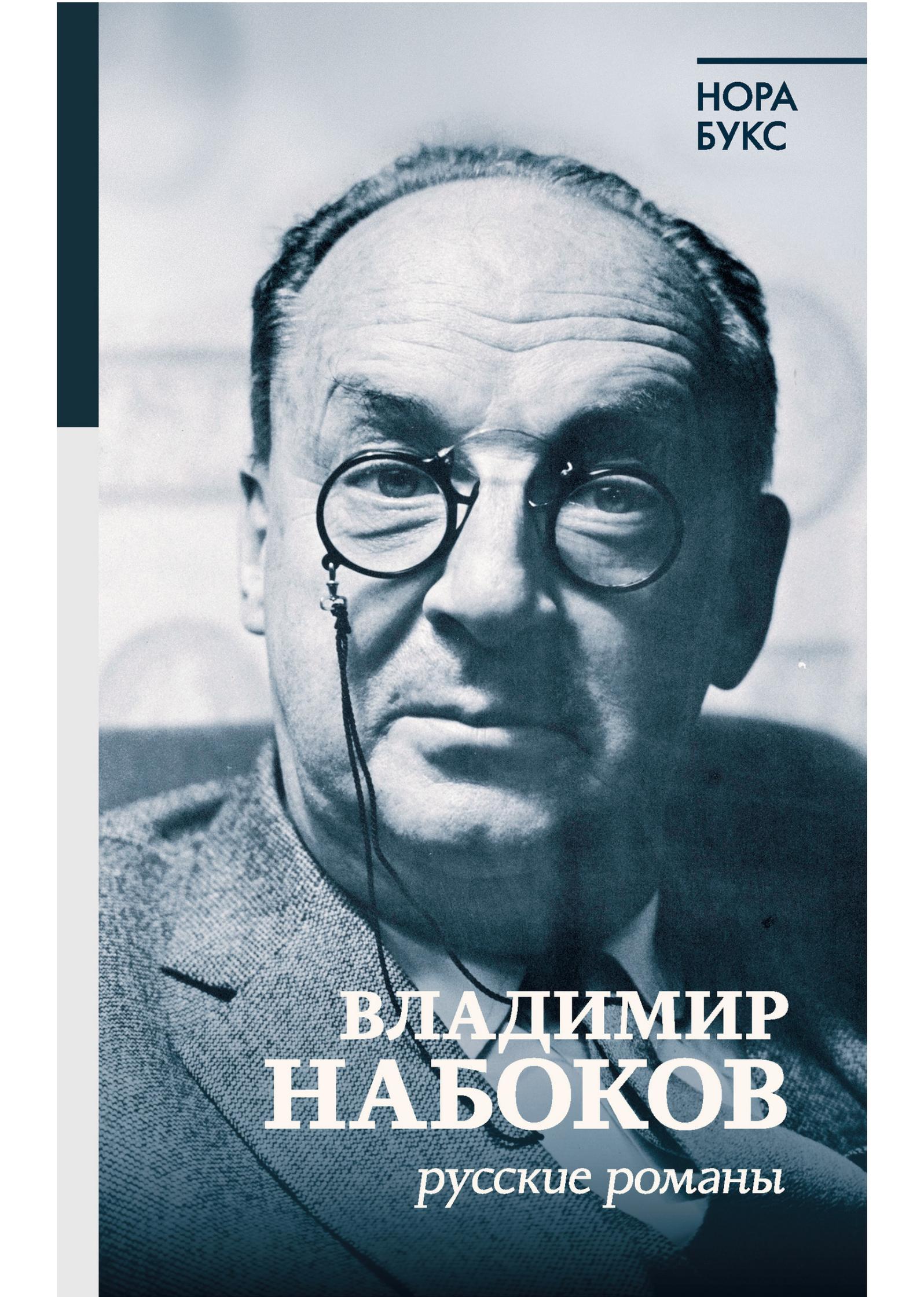

НОРА
БУКС

**ВЛАДИМИР
НАБОКОВ**

русские романы

Биография эпохи

Нора Букс

**Владимир Набоков.
Русские романы**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Букс Н. Я.

Владимир Набоков. Русские романы / Н. Я. Букс —
«Издательство АСТ», 2019 — (Биография эпохи)

ISBN 978-5-17-114725-9

Книга Норы Букс, известного французского литературоведа, профессора Сорбонны, рассказывает о жизни Владимира Набокова в Петербурге, Берлине и Париже и посвящена его русским романам – «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Камера обскура», «Приглашение на казнь», «Подвиг» и «Дар». Вместе с автором книги читатель совершает увлекательное путешествие по произведениям писателя, с удовольствием первооткрывателя обнаруживает в них исторические и литературные аллюзии, разгадывает загадки, щедро рассыпанные Набоковым по его текстам. Это позволяет на давно любимые романы взглянуть по-новому, увидеть в них ранее не замеченные смыслы.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-114725-9

© Букс Н. Я., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Нора Букс
Владимир Набоков
Русские романы

Серия «Биография эпохи»

Дизайн серии Виктории Лебедевой

Фото на переплет предоставлено Science Source/LOC/Science Source/DIOMEDIA

В оформлении книги использованы иллюстрации Аиды Лисенковой-Ханемайер

Издательство благодарит за помощь в работе над книгой Ефима Курганова

© Нора Букс, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Светлой памяти моей матери

Глава I

Писатель Владимир Сирин

Лучшую биографию В. Набокова написал сам писатель Набоков. Отчасти в романах и рассказах, в разной пропорции наделяя своих героев отдельными элементами собственного детства или юности. Правда, Набоков терпеть не мог, когда любопытные заглядывали через окно произведений в его жизнь и демонстративно преуменьшал, разрывал личные биографические связи с художественным текстом. Так, в предисловии к английскому переводу «Дара» он писал, предупреждая читателя: «Я жил в Берлине с 1922 года, то есть одновременно с молодым героем этой книги, но ни это обстоятельство, ни кое-какие общие наши интересы, как например литература и лепидоптера¹, не дают оснований воскликнуть „ага!“ и уравнивать рисовальщика и рисунок»². В 1964 году в интервью журналу «Playboy» он с раздражением сказал: «Люди недооценивают силу моего воображения и мою способность выращивать многочисленных „я“ в моих сочинениях. И потом, конечно, существует особый тип вынюхивающего критика, энтузиаста „человеческого содержания“, радостного пошляка»³.

Оказавшись в Америке, Набоков написал свои мемуары на английском «Conclusive evidence. A Memoir»⁴, но вскоре переделал их в автобиографию «Память, говори», а затем с некоторыми изменениями перевел на русский под названием «Другие берега».

Вот как об этом рассказывает он сам: «...ню-йоркское издательство “Харпер и Братъя” выпустило в 1951 году под названием “Убедительное доказательство” – убедительное доказательство моего существования. К сожалению, эта фраза наводила на мысль о детективе, так что я задумал назвать английское издание “Мнемозина, говори”, однако мне сказали, что “старушки не станут спрашивать книгу, названия которой они не смогут выговорить” [...] так что мы в конце концов остановились на “Память, говори” (лондонского. – Н.Б.) издательства “Виктор Голланц”, 1951 и “Юниверсал Лайбрери”, Нью-Йорк, 1954»⁵.

В 1954 году в ню-йоркском издательстве имени А. П. Чехова, в том самом, где двумя годами ранее был впервые издан полный текст романа «Дар» (включая IV главу «Жизнь Чернышевского»), увидела свет автобиография «Другие берега», представленная как перевод автора. Однако Набоков оговорил, что, «удержав общий узор, изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву...»⁶. Позднее он вновь вернулся к своей книге воспоминаний, и в 1967 году на английском в ню-йоркском издательстве вышел еще один вариант его автобиографии «Speak Memory. An Autobiography Revisited» («Память, говори. Исправленная автобиография»).

Все варианты автобиографии, на русском и на английском, охватывают период жизни писателя без малого в сорок лет: от трех лет от роду до сорока, а точнее, до 20 мая 1940 года, когда Набоковы покинули охваченную войной Европу. Примечателен выбор отправной точки биографии. Не рождения, нет, а момента рождения сознания. Именно он для Набокова ценен и важен, потому что позволяет отделить собственное, уникальное, личное «Я» от общей

¹ Латинское название чешуйчатокрылых, т. е. бабочек.

² Набоков В. Предисловие к английскому переводу романа «Дар» («Gift») // Набоков В. В.: Pro et contra. СПб: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 49.

³ Набоков В. Интервью журналу «Playboy» 1964 г. // Набоков В. (В. Сирин). Собрание сочинений американского периода: в 5 т. СПб: Симпозиум, 1997. Т. 3. С. 566.

⁴ «Убедительное доказательство. Мемуары» (англ.).

⁵ Набоков В. Память, говори. Предисловие (1966). Реконструкция С. Ильина // Набоков В. (В. Сирин). Указ. соч. Т. 5. С. 319.

⁶ Набоков В. Другие берега. Предисловие к русскому изданию. Ardis: Ann Arbor, 1978. С. 8.

неоформленной магмы предшествующего ему бессознательного. И в этом выборе, как в капле воды, отражен набоковский обостренный индивидуализм, его позиция одиночки, его отстаиваемая оригинальность, неизменная независимость суждений. Это был самоуверенный человек, знавший о своей гениальности и умевший ее ценить и служить своему дару. Он был предан литературе, своему искусству, своей памяти, своему удивительному, волшебному языку. И еще он верен был своему прошлому, где, как в амфоре, хранилась его Россия, живая, с пением птиц и шелестом деревьев, о которых он мог рассказать все с научной точностью и поэтической яркостью, и это прошлое понималось им как часть его творческой личности, его писательского зрения и стиля. «Я бы сказал, что воображение – это форма памяти»⁷, – заявил Набоков в интервью А. Аппелю.

Он писал в воспоминаниях: «Заклинать и оживлять былое я научился бог весть в какие ранние годы – еще тогда, когда в сущности никакого былого не было»⁸. «Полагаю, кроме того, что моя способность держать при себе прошлое – черта наследственная. Она была и у Рукавишниковых и у Набоковых»⁹.

Прошлое завораживало его рисунком судеб предков, в который он всматривался и искал переплетений со своей жизнью.

Легенда гласит, что дворянский род Набоковых идет от обрусевшего татарского князька по имени Набок-Мурза. Среди предков писателя также был немецкий композитор Карл Генрих Граун, известный и как прекрасный тенор. Он служил при дворе Фридриха II, был автором двадцати восьми опер и известной оратории «Смерть Иисуса». Набоков считал, что ген Грауна достался его сыну, Дмитрию, оперному певцу. Писатель иронизировал, что картина Адольфа фон Менцеля, изображающая Фридриха Великого, играющего на флейте сочинение Грауна, преследовала его «по всем немецким пансионатам, в которые (он. – *Н.Б.*) селился за годы изгнания»¹⁰.

Набоков в «Других берегах» рассказывает о баронессе фон Корф, кузине его «пра-пра-щур, женившегося на дочке Грауна»¹¹, вдове полковника русской армии, которая прославилась тем, что одолжила свой паспорт и свою роскошную карету королеве Франции Марии Антуанетте, когда королевская семья бежала из Версальского дворца в Варенн, где они были узнаны и арестованы. «Мария Антуанетта ехала как Мадам де Корфф»¹², – писал Набоков. Этот эпизод, произошедший 20–21 июня 1791 года, подробно изученный французскими историками, в частности Жюлем Мишле, не совсем точно приведен Набоковым. С паспортом баронессы Анны де Корф ехала воспитательница королевских детей маркиза де Круа де Турель, а у королевы был паспорт мадам Рош, гувернантки детей баронессы. Но для литературного эффекта набоковский вариант истории был гораздо лучше.

Другой предок писателя, Иван Набоков, участвовал в наполеоновской кампании, был женат на сестре Ивана Пущина, близкого друга А. С. Пушкина, и служил комендантом Петропавловской крепости, когда туда доставили арестованного Ф. М. Достоевского. По словам Владимира Набокова, он давал Достоевскому книги из своей библиотеки.

Дед писателя Дмитрий Набоков занимал пост министра юстиции при Александре II и Александре III. Способствовал продвижению либеральных судебных реформ. Он передал императору прошение сыновей Чернышевского об облегчении участи их отца. Чернышевский

⁷ Набоков В. Интервью Альфреду Аппелю. Сентябрь 1966 г. // *Набоков В. (В. Сирин)*. Указ. соч. Т. 3. С. 605.

⁸ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 64.

⁹ Там же.

¹⁰ Набоков В. Память, говори. Указ. соч. С. 357.

¹¹ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 47

¹² Там же.

к тому времени провел шесть лет в сибирской тюрьме и двенадцать лет в Якутии. Александр III разрешил ему поселиться в Астрахани.

Дмитрий Набоков был сухой, немногословный чиновник, но именно с ним была связана красочная романтическая семейная история. Он был любовником жены генерала, матери трех дочерей, красавицы баронессы Нины фон Корф (в девичестве Шишковой). Чтобы не расставаться с возлюбленным во время путешествий, баронесса решила выдать за Набокова свою старшую дочь, 17-летнюю Марию.

Владимир Набоков в «Других берегах» рассказывает, что вычитал во французском еженедельнике «L'Illustration» за 1859 год о скандале, который произошел с Ниной фон Корф в Париже. Баронесса и Дмитрий Набоков были приглашены на бал к блистательному герцогу Морни, внуку Жозефины де Богарнэ, первой жены Наполеона I, послу Франции в России, женатому на русской княжне Софье Трубецкой, о которой говорили, что она незаконная дочь царя Николая I. Баронесса заказала для дочерей «костюмы цветочниц, по 225 франков за каждый»¹³, что тогда представляло огромную сумму. Но когда их привезли, «баронессе костюмы показались слишком открытыми, и она отказалась принять их»¹⁴. Дочери рыдали и не поехали на бал. А Набоков пытался выбросить в окно судебного пристава, которого прислала портниха. Баронесса подала в суд и выиграла дело. Ей не только вернули деньги за костюмы, но и заплатили тысячу франков за моральный ущерб.

А Дмитрий Набоков вскорости женился на Марии. Брак этот был несчастным, но у них родилось девять детей. Шестым был Владимир – отец писателя.

Он с отличием закончил юридический факультет Петербургского университета по кафедре уголовного права и выбрал академическую карьеру. Восемь лет, с 1896 по 1904 год, он читал лекции в Училище правоведения, но затем из-за своей политической оппозиционной деятельности оставил преподавание.

Владимир Дмитриевич Набоков был одним из благороднейших людей России – либерал, человек высокого кодекса чести, юрист-правовед, один из основателей конституционно-демократической партии, а также либерально-оппозиционной газеты «Право» и газеты кадетской партии «Речь». В 1906 году был избран членом первого российского парламента – Государственной думы, в 1917-м он – управляющий делами Временного правительства, а в 1919-м – министр юстиции в Крымском краевом правительстве Соломона.

14 ноября 1897 года Владимир Дмитриевич обвенчался с молоденькой, очаровательной девушкой Еленой Ивановной Рукавишниковой, соседкой по имению, дочерью миллионера-золотопромышленника. Богатство семьи Рукавишниковых, происходившей из мелкопоместного дворянства, объяснялось приисками в Пермской губернии, которыми они владели с XVIII века. Василий Рукавишников, брат деда писателя, был известен как крупнейший землевладелец России. Сам же дед, Иван, был обладателем миллионного состояния, но, как писал о нем внук, был тиран, «тревожно-размашистый чудак с дикой страстью к охоте»¹⁵. Его сын, Василий, «много натерпелся от [...] странного, тяжелого, безжалостного к нему отца»¹⁶. Женился Иван Васильевич на девушке образованной, дочери Николая Козлова, первого президента Российской императорской медико-хирургической академии, знаменитого врача патологоанатома, ученого, автора известной в медицинской науке работы о «Сужении яремной дыры у людей помешанных и самоубийц». Не усматривал ли Набоков связующий рисунок между собственными научно-художественными опытами в создании литературных героев, страдающих разными видами психических отклонений, и научными работами знаменитого прадеда?

¹³ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 48.

¹⁵ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 59.

¹⁶ Там же.

Из восьми детей Рукавишниковых выжили только двое, Василий и младшая дочь Елена. Василий служил по дипломатической части. Елена вышла замуж за Набокова. Молодые поселились в Петербурге, в аристократическом элегантном районе, на Большой Морской в доме номер 47 – роскошном особняке из розового гранита. В 1901 году был надстроен третий этаж, украшенный золотой полосой из мозаики, здесь разместили спальни детей и комнаты гувернанток.

В этом доме 10 апреля (по старому стилю) и 23 апреля (по новому) 1899 года родился мальчик, которого назвали в честь отца – Владимиром. Даты, в которые впоследствии писатель Набоков пристально всматривался, в обращении с которыми был всегда придирчиво точен, носили для него смысл судьбоносных знаков, а в творчестве обретали функции художественных приемов, позволявших наводить мосты и ориентиры в мире литературы. «Как и Пушкина, меня зачаровывают пророческие даты», – говорил Набоков в интервью А. Аппелю¹⁷. Вполне естественно, что в дате своего рождения он увидел символы собственного творческого предназначения. Набоков родился через сто лет после Пушкина, в день рождения Шекспира.

И действительно, два этих великих литературных имени предсказали два языка литературной карьеры Набокова и мировой масштаб его литературной славы. Впоследствии Набоков, поэт и писатель, считал Пушкина своим духовным отцом. И если Пушкину так и не удалось пересечь границы России, то Набокову не удалось пересечь эту границу в обратном направлении: он не вернулся в отечество из эмиграции. Забавно и то, что в детстве репетитором у Набоковых служил «розовый, полнолицый студент с рыжеватой бородкой»¹⁸ по фамилии Ленский. Пушкинский голос звучит в большинстве произведений Набокова, и его литературный диалог с Пушкиным не прерывался никогда. Во Франции к столетней годовщине гибели поэта Набоков на виртуозном, блистательном французском написал эссе «Пушкин, или Правда и правдоподобие», в Америке в 1942 году написал заключительную сцену к пушкинской «Русалке», а в 1964 году, в канун 165-й годовщины со дня рождения А. С. Пушкина, издал в переводе на английский «Евгения Онегина» и «Комментарий» к нему в объеме более 1100 страниц, над которым работал в течение пятнадцати лет.

Голос Шекспира звучит приглушеннее в его романах, где, однако, немало к нему аллюзий. Прекрасны набоковские переводы сонетов Шекспира и монолога Гамлета, которые он осуществил по окончании романа «Подвиг», где отчетливо проводится гамлетовская тема. В декабре 1924 года он написал стихотворение «Шекспир».

Надменно-чужд тревоге театральной,
ты отстранил легко и беспечально
в сухой венок свивающийся лавр
и скрыл навек чудовищный свой гений
под маскою, но гул твоих видений
остался нам: венецианский мавр
и скорбь его; лицо Фальстафа – вымя¹⁹
с наклеенными усиками; Лир
бушующий... Ты здесь, ты жив, – но имя,
но облик свой, обманывая мир,
ты потопил в тебе любезной Лете.
И то сказать: труды твои привык

¹⁷ Набоков В. Интервью Альфреду Аппелю. Сентябрь 1966. Указ. соч. С. 602.

¹⁸ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 106.

¹⁹ Ср. у Н. Гумилева в стихотворении «Заблудившийся трамвай» (1921): «В красной рубашке, с лицом как вымя / Голову срезал палач и мне...» – Молодой поэт Набоков был под влиянием поэзии Гумилева.

подписывать – за плату – ростовщик,
тот Виль Шекспир, что «Тень» играл в «Гамлете»...²⁰

Набоков считал, что автор, подобно Творцу, не открывает своего лица, и в собственном творчестве реализовал этот принцип по-своему, – ни откровений с читателями, ни разъяснений критикам...

Родители души не чаяли в сыне. За год до его рождения Елена Ивановна потеряла первого ребенка при родах. Владимир навсегда остался любимцем семьи, несмотря на то, что со временем у него появились еще два брата и две сестры.

Он рано стал проявлять способности. «Я научился счету и слову почти одновременно, в возрасте очень раннем»²¹, – писал Набоков. Обнаружилось, что Владимир, как и его мать, наделен «цветным слухом». Объяснение, которым писатель сопровождает рассказ о появлении цветовой окраски звука, иллюстрирует его уникальную, практически физическую, чувственную способность воспринимать буквы и звуки. «Не знаю, впрочем, правильно ли тут говорить о “слухе”, – размышлял Набоков, – цветное ощущение создается, по-моему, осязательным, губным, чуть ли не вкусовым путем. Чтобы основательно определить окраску буквы, я должен буквально просмаковать, дать ей набухнуть или излучиться во рту, пока я воображаю ее зрительный узор»²². И далее: «Чернобурую группу составляют: густое, без галльского глянца А; довольно ровное [...] Р, крепкое каучуковое Г [...] Переходя к спектру, находим: красную группу с вишнево-коричневым Б [...] розово-фланелевым М и розовато-телесным В...»²³.

Набоков вспоминал, что в детстве у него проснулись недюжинные способности к математике, которые потом пропали. Некоторые собственные признания, сделанные уже зрелым писателем, позволяют догадываться о восприимчивости его натуры, обозначившейся рано, о богатстве и импульсивности его детской фантазии. В воспоминаниях он писал: «Я всегда был подвержен чему-то вроде легких, но неизлечимых галлюцинаций. Одни слуховые, другие зрительные...»²⁴ и далее: «У меня вырастали из рубиновых оптических стигматов и Рубенсы, и Рембрандты, и целые пылающие города. Особого толчка, однако, не нужно для появления этих живописных призраков, медленно и ровно развивающихся перед закрытыми глазами»²⁵.

Или другое свидетельство: «Всю жизнь я засыпал с величайшим трудом и отвращением. Люди, которые, отложив газету, мгновенно и как-то запросто начинают храпеть в поезде, мне столь же непонятны, как, скажем, люди, которые куда-то баллотируются или вступают в масонские ложи...»²⁶. «...в детстве предстоящий сон казался мне палачом в маске, с топором в черном футляре и с добродушно-бессердечным помощником, которому беспомощный король прокусывает палец. Единственной опорой в темноте была щель слегка приоткрытой двери в соседнюю комнату, где горела одна лампочка из потолочной группы и куда Mademoiselle (швейцарская гувернантка. – Н.Б.) из своего дневного логовища часов в десять приходила спать. Без этой вертикали кроткого света мне было бы не к чему прикрепиться в потемках, где кружилась и как бы таяла голова»²⁷.

И неожиданное, редчайшее набоковское откровение:

²⁰ Набоков В. Стихи. Ардис: Анн Арбор. 1979. С. 156.

²¹ Набоков В. Память, говори. Указ. соч. С. 326.

²² Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 26.

²³ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 27.

²⁴ Там же. С. 25.

²⁵ Там же. С. 26.

²⁶ Там же. С. 99.

²⁷ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 99.

«Был я трудный, своенравный, до прекрасной крайности избалованный ребенок, – признавался писатель. И добавлял: – Балуйте детей побольше, господа, вы не знаете, что их ожидает!»²⁸.

Набоков вспоминал, как в раннем детстве «мать во всем потакала (его. – *Н.Б.*) ненасытному зрению. Сколько ярких акварелей она писала при мне, для меня!»²⁹ «Как я любил кольца на материнской руке, ее браслеты! Бывало, в петербургском доме, в отдаленнейшей из ее комнат, она вынимала из тайника в стене целую грудку драгоценностей, чтобы позабавить меня перед сном»³⁰.

Родители, и особенно мать, с готовностью и радостью исполняли желания своего любимца. Набоков рассказывает, как во время болезни мать поехала «купить мне (*В.Н.* – *Н.Б.*) очередной подарок: планомерная ежедневность приношений придавала медленным выздоравливаниям и прелесть и смысл»³¹. Эпизод с покупкой подарка из реального детства был перенесен писателем в текст главы I романа «Дар» – герой в подробностях представляет поездку матери и в своем воображении видит, куда она едет и что покупает ему. И мать действительно приносит ему столь желанный большой рекламный карандаш, висевший в витрине магазина Ф. Треймана на Невском, 18. Таково перенесенное в роман свидетельство силы воображения и интуитивного видения маленького Владимира.

Родители писателя, воспитывая сына в роскоши и любви, научили его видеть хрупкую, уникальную красоту окружающего мира, восхищаться ею и ценить ее превыше вещественного богатства. «“Вот запомни”, – говорила она (мать. – *Н.Б.*), с таинственным видом предлагая моему вниманию заветную подробность: жаворонка, поднимающегося в мутно-перламутровое небо бессолнечного весеннего дня, вспышки ночных зарниц, снимающих в разных положениях далекую рощу, краски кленовых листьев на палитре мокрой террасы, кинопись птичьей прогулки на свежем снегу. Как будто предчувствуя, что вещественная часть ее мира должна скоро погибнуть, она необыкновенно бережно относилась ко всем вещкам прошлого, рассыпанным и по ее родовому поместью и по поместью свекрови...»³².

Набоков вспоминает в «Других берегах», как брат матери, Василий Рукавишников, приезжал к ним в поместье летом и «с обещанием дивного подарка в голосе [...] он подводил меня к ближайшей липке и, изящно сорвав листок, протягивал его со словами: “Pour mon neveu, la chose la plus belle au monde” (“Моему племяннику – самая красивая вещь в мире”»³³. Когда Владимиру исполнилось семнадцать лет, Василий Рукавишников умер. Миллионное состояние и богатое имение Рождествено он оставил любимому племяннику. Целый год Владимир Набоков пребывал миллионером. В автобиографии, подходя в рассказе к этому моменту, Набоков ввел коротенькую главку-отступление. Привожу ее основную мысль: «Мое давнишнее расхождение с советской диктатурой никак не связано с имущественными вопросами. Презираю россиянина-зубра, ненавидящего коммунистов, потому что они, мол, украли у него деньжата и десятины. Моя тоска по родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству»³⁴.

И правда, потеряв огромное состояние, оказавшись на чужбине практически без средств, Набоков никогда не казался обездоленным. Вот каким вспоминает его в эмиграции Иосиф Гессен, близкий друг его отца, возглавлявший вместе с ним в Берлине газету «Руль» и издательство «Слово»: «Передо мной был высокий, на диво стройный, с неотразимо привлекатель-

²⁸ Там же. С. 76.

²⁹ Там же. С. 28.

³⁰ Там же. С. 28.

³¹ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 30.

³² Там же. С. 33.

³³ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 56.

³⁴ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 61.

ным тонким, умным лицом, страстный любитель и знаток физического спорта и шахмат... Больше всего пленяла ненасытная беспечная жизнерадостность, часто и охотно прорывавшаяся таким бурным смехом, таким беспримесно чистым и звонким, таким детски непосредственным, добродушно благостным, – что нельзя было не поверить ему, что “так лучезарна жизнь и радостей так много... что сижу я дивлюсь. Пусть хмурится сосед мой нерадивый, а я, я радуюсь всему”»³⁵.

Научившись в детстве видеть и наслаждаться богатством природы, Набоков знал и умел ценить истинную живую роскошь мира, которую выхватывал зорким зрением и переливал в свою сверкающую самоцветами, дышащую, звучащую гениальную прозу.

Страсть к бабочкам перешла к Владимиру от отца. Начиная с 7-летнего возраста он собирал коллекции, изучал их, с упоением «зачитывался энтомологическими журналами» в библиотеке отца и в конце концов превратился в ученого-энтомолога, продолжавшего охоту на бабочек в течение всей жизни. Первую научную статью о них писатель опубликовал на английском в первый семестр обучения в Кембридже. Она называлась «Несколько заметок о лепидоптере Крыма». Увлечение бабочками позволило Набокову постичь некоторые таинственные явления природного мира, одним из шедевров которого является загадка мимикрии. Набоков пишет о ней в «Даре»: «Он (отец. – *Н.Б.*) рассказывал о невероятном художественном остроумии мимикрии, которая не объяснима борьбой за жизнь (грубой спешкой чернорабочих сил эволюции), излишне изысканна для обмана случайных врагов [...] и словно придумана забавником-живописцем как раз ради умных глаз человека... он рассказывал об этих магических масках мимикрии: о громадной ночнице, в состоянии покоя принимающей образ глядящей на вас змеи; об одной тропической пяденице, окрашенной в точное подобие определенного вида денницы, бесконечно от нее отдаленной в системе природы...»³⁶.

Набоков, с ювелирным изяществом описывая примеры мимикрии в своей прозе, трансформировал ее в изобразительный прием. Так, сама природа становится источником его поэтики. Мимикрия во многих его романах обретает пародийное наполнение – в частности, в «Даре» писатель создает персонажей, чьи черты внешности пародийно отражают сущность их занятий: казначей, «мощно кривя набитый драгоценностями рот, стал читать... посыпались, как искры, цифры, запрыгали металлические слова [...] Дочитав, казначей закрыл со щелчком рот»³⁷.

Несомненно и то, что дисциплина научного описания, приобретенная Набоковым-энтомологом, обусловила точность его удивительной поэтической и яркой метафоры, всегда стоящей на твердых ногах исследовательского знания. В главе «Звуки и запахи» этой книги приведены примеры воплощения известного в поэзии образа поэта-певца-соловья в романе «Машенька», при художественном изображении которого соблюдены описанные в науке признаки этой певчей птицы. В интервью, данном журналу «Playboy» в 1964 году, Набоков сказал: «...художник должен знать данный ему мир. Воображение без знания ведет лишь на задворки примитивного искусства, к каракулям ребенка на заборе или речам безумца на рыночной площади. Искусство не бывает простым»³⁸.

Редчайшее научное знание природы, приобретенное в детстве и пополняемое годами ее изучения, позволило писателю вдохнуть в свои произведения «правдивую» художественную жизнь. Приведу в пример отрывок из «Дара», где с невероятной красотой и эротичностью и вместе с тем с безукоризненной научной точностью дано описание насекомых:

³⁵ Гессен И.В. Годы изгнания. Paris: Ymca-Press, 1979. С. 96–97.

³⁶ Набоков В. Дар. Ardis: Ann Arbor, 1975. С. 126.

³⁷ Набоков В. Дар. Указ. соч. С. 361–362.

³⁸ Набоков В. Интервью журналу «Playboy» 1964 г. Указ. соч. С. 575.

«Он (отец героя. – *Н.Б.*) научил меня, как разобрать муравейник, чтобы найти гусеницу голубянки, там заключившую с жителями варварский союз, и я видел, как, жадно щекоча сжачками один из сегментов ее неповоротливого, слизнеподобного тельца, муравей заставлял ее выделить каплю пьяного сока, тут же поглощаемую им, – а за то предоставлял ей в пищу свои же личинки, так как если б коровы нам давали шартрез, а мы – им на съедение младенцев»³⁹.

Бабочка – Психея, душа. Как изумительно подходит эта страсть к писательскому ремеслу. Но я хочу сказать вот о чем. Увлечение бабочками, их собирание, рассматривание в микроскоп создало особую оптику писателя Набокова. На лекциях в Корнельском университете он обращал внимание студентов на оптику Джойса. И Набоков знал, о чем говорил, ибо его собственная изобразительная уникальная манера письма во многом определена его особой оптикой. Она создается целым набором приемов зрительской регистрации мира от внезапного приближения рассматриваемого и описываемого объекта, или отмены границ реального зрения и вплоть до постоянно меняющейся точки зрения в повествовании и т. д. Вот как сказал об этом сам Набоков: «Мне думается, что в гамме мировых мер есть такая точка, где переходят одно в другое воображение и знание, точка, которая достигается уменьшением крупных вещей и увеличением малых: точка искусства»⁴⁰.

Россия детства и юности Владимира Набокова состояла из двух локусов, Петербурга и семейных имений, находящихся, как говорил сам писатель, «в пятидесяти милях от Петербурга»⁴¹: Выра, принадлежащая его матери, Рождествено – дяде Василию Рукавишникову и Батово – имение Набоковых, где жила еще бабушка писателя, – все они расположены по соседству, вдоль двух рукавов реки Оредежь. И в этом летнем, зеленом пространстве, которое будущий писатель нежно любил и впоследствии воссоздавал в своих произведениях, повсюду обнаруживались следы литературные: усадьбой Батово с 1805 года владела мать поэта Кондратия Рылеева. В «Память, говори» Набоков назвал его «второстепенным поэтом, журналистом и прославленным декабристом»⁴². Рылеев «проводил в этих местах большую часть летних месяцев, посвящая элегии Оредежи...»⁴³. В «Комментариях» к «Евгению Онегину» Набоков рассказал о малоизвестной pistolетной дуэли между Пушкиным и Рылеевым в 1820 году, где Дельвиг и Павел Яковлев были секундантами. По мнению комментатора, дуэль произошла «между 6 и 9 мая в окрестностях Петербурга, возможно, в имении матери Рылеева Батово»⁴⁴. После дуэли, по мнению Набокова, Пушкин сразу же уехал на юг. Набоков пишет в «Память, говори»: «Судьба поколебалась с миг, не зная, что ей предпочесть – преградить ли героическому мятежнику путь на виселицу, лишит ли Россию “Евгения Онегина”, – но затем решила не ввязываться»⁴⁵. Приблизительно в году 1846-м Батово приобрела Нина Шишкова, в замужестве баронесса фон Корф, и по наследству передала его младшей дочери Марии, бабушке писателя. Набоков добавляет маленькую деталь, демонстрирующую уровень отношений в России прошлого. Сын казненного Кондратия Рылеева, генерал, был другом царя Александра II и министра юстиции Дмитрия Набокова.

Поместье Рождествено, которое досталось в наследство Владимиру, в начале XVIII века было известно как Куровицкие угодья, находившиеся в собственности сына Петра Великого, царевича Алексея. И, как писал Набоков, «из этого дворца, по этому тракту, ведущему в

³⁹ Набоков В. Дар. Указ. соч. С. 125.

⁴⁰ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 158.

⁴¹ Набоков В. Память, говори. Указ. соч. С. 362.

⁴² Набоков В. Память, говори. Указ. соч. С. 363.

⁴³ Там же. С. 363.

⁴⁴ Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб: Искусство-СПб, Набоковский фонд. 1998. С. 358.

⁴⁵ Набоков В. Память, говори. Указ. соч. С. 364.

Польшу и Австрию, царевич и бежал лишь для того, чтобы агент царя, граф Петр Андреевич Толстой, бывший одно время послом в Константинополе (где он приобрел для своего властелина арапчонка, внуку которого предстояло стать Пушкиным), выманил его из самого Неаполя в отцовский пыточный застенок»⁴⁶. Фигура Пушкина как водяной знак проступает на всем жизненном пути Набокова.

Но, кажется, больше всего Набоков любил Выру с ее большим просторным домом, с ее парком, аллеями, лесом... Он описал ее в «Машеньке», в «Даре».

Выра, Рождествено, Батово и Петербург – вот она, Россия Набокова. Но описания этих конкретных географических локусов в романах так щедры и так подробны, что обретают эффект метафорического обобщения, втягивающего в пространство поэтического образа всю Россию. А вот в Москве Набоков ни разу не бывал, он гордился своей элегантной петербургской речью и к Первопрестольной относился с некоторой долей снобизма, что проскользнуло в его произведениях. Так, об одном своем герое из романа «Отчаяние», бездарном художнике, рисовавшем натюрморты, он писал: «... Был он москвич и любил слова этикие густые, с искрой, с пошлейшей московской прищуринкой»⁴⁷.

«Я всегда был ненасытным пожирателем книг»⁴⁸, – говорил о себе Набоков. Несомненным сокровищем для него была библиотека отца в Петербурге, насчитывавшая 10 тысяч томов. Юный Набоков, в отличие от своих родителей, страстных театралов и меломанов, кроме литературы предпочитал живопись. И родители даже полагали, что со временем он станет художником. Его первым учителем рисования был бывший учитель матери. А с 1912-го по 1914 год – знаменитый Мстислав Добужинский. «Вы были самым безнадежным учеником из всех, каких я когда-нибудь имел»⁴⁹, – признавался ему впоследствии Добужинский. Но, несомненно, занятия с ним позволили юному Набокову «отточить глаз». В память об учителе в его комнате в эмиграции стояла открытка работы М. Добужинского из его серии «Типы Петербурга», «Извозчики». Когда оба, учитель и ученик, оказались в Америке, Добужинский прислал Набокову еще несколько открыток из этой серии, а также акварель «Лиловая Дама», написанную для постановки набоковской пьесы «Событие» в 1941 году в Нью-Йорке, костюмы и декорации к которой делал М. Добужинский. А в 1926 году Набоков, посетив выставку своего бывшего учителя в Берлине, посвятил ему стихотворение «Ut pictura poesis».

«В обиходе таких семей как наша, – писал Набоков в «Других берегах», – была давняя склонность ко всему английскому: это слово, кстати сказать, произносилось у нас с классическим ударением (на первом слоге), а бабушка М. Ф. Набокова говорила уже совсем по старинке: аглицки»⁵⁰. Так, кстати сказать, произносил это слово и сын писателя, Дмитрий Набоков.

Маленький Владимир научился читать по-английски раньше, чем по-русски. В «Других берегах», где писатель вспоминает своих гувернанток и учителей, почти целая глава посвящена шотландцу мистеру Бэрнесу, который тренировал его в диктантах и на прощание произносил «лимерик (нечто вроде пятистрочной частушки весьма строгой формы»⁵¹) о какой-то леди, кричавшей, когда ее сжимали. Набоков в мемуарах поместил свой перевод на русский этой очаровательной частушки:

Есть странная дама из Кракова:

⁴⁶ Набоков В. Память, говори. Указ. соч. С. 365.

⁴⁷ Набоков В. Отчаяние. Ardis: Ann Arbor, 1978. С. 32.

⁴⁸ Набоков В. Интервью немецкому телевидению, 1971 г. // Набоков В. (В. Сирин). Указ. соч. Т. 5. С. 615.

⁴⁹ Отзыв М. Добужинского приводит Б. Бойд // Бойд В. Владимир Набоков: русские годы. Москва: Независимая газета, СПб: Симпозиум, 2001. С. 125–126.

⁵⁰ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 67.

⁵¹ Там же. С. 81.

орет от пожатия всякого,
орет наперед
и все время орет —
но орет не всегда одинаково⁵².

Позднее Набоков узнал, что мистер Бэрнес был в Эдинбурге одним из лучших переводчиков русских стихов на английский.

Когда Владимиру было шесть лет, к нему и его брату взяли французскую гувернантку, которая на самом деле была швейцаркой, совсем как швейцарский гувернер Онегина. Мадмуазель Сесиль Миатон провела в доме Набоковых около восьми лет и научила его такому французскому, о котором могут мечтать некоторые современные французские писатели. В 1922 году, будучи со своим кембриджским товарищем в Лозанне, Набоков навестил мадмуазель Миатон и написал о ней трогательный рассказ «Пасхальный дождь»⁵³.

Русский алфавит Набоков выучил уже в возрасте семи лет. Обучил его грамоте сельский учитель, «милейший Василий Мартынович»⁵⁴, которого летом в Выре пригласили в набоковский дом.

В 1911 году отец решил отдать двух старших сыновей в школу. Сергей пошел в бывшую гимназию отца, а для Владимира было выбрано Тенишевское реальное училище, считавшееся одним из лучших частных реальных училищ в России. Там несколькими годами ранее учился Осип Мандельштам, которого Набоков назовет «восхитительным поэтом, лучшим поэтом из пытавшихся выжить в России при Советах»⁵⁵. Звездой Тенишевского училища был талантливый поэт В. В. Гиппиус.

Владимир начал писать стихи в весьма юном возрасте и долгое время считал себя поэтом. Собственно, он продолжал сочинять их всю жизнь. Последний его поэтический сборник — «Стихи», «почти полное собрание стихов»⁵⁶, отобранных самим Набоковым, но изданных уже посмертно. Однако еще в Берлине, после успеха романа «Машенька», Набоков сам понял, что проза заняла в его творчестве первые ряды. Приговор себе он огласил в «Даре»: героиня говорит Годунову-Чердынцеву: «Мне нечего тебе говорить, как я люблю твои стихи, но они всегда не совсем по твоему росту, все слова на номер меньше, чем твои настоящие слова»⁵⁷.

Первый сборник юного поэта был издан им в 1914 году, но не сохранился. Набоков печатался и в журнале Тенишевского училища «Юная мысль», где был одним из четырех редакторов. Его стихотворение было опубликовано в солидном журнале «Вестник Европы». А в 1916 году он выпустил сборник «Стихи», включавший 68 стихотворений, обращенных к Валентине Шульгиной. Набоков вспоминал, как ставший тогда директором Тенишевского училища «В. В. Гиппиус [...] принес как-то экземпляр моего сборничка в класс и подробно его разнес при всеобщем, или почти всеобщем, смехе»⁵⁸.

Валентина Шульгина (Люся) была первой любовью шестнадцатилетнего Набокова. В автобиографии писателя она фигурирует под именем Тамары, а в его первом романе — Машеньки. Они познакомились на прогулке в Выре летом 1915 года. Люся проводила это лето на даче в Рождествено. Парки и леса Выры и Рождествено сделались пейзажем их ежедневных

⁵² Там же. Указ. соч. С. 81.

⁵³ «Пасхальный дождь» был написан в 1924-м и опубликован в «Русском эхе» в № 15 в 1925 году. Затем в 1930-х был написан заново по-французски под названием «Mademoiselle O», а еще позднее включен автором в пятую главу автобиографии «Память, говори».

⁵⁴ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 142

⁵⁵ Набоков В. Интервью для Нью-Йоркской телепрограммы «Television 13», 1965 // Набоков В. (В. Сирин). Указ. соч. С. 559.

⁵⁶ Набокова Вера. Предисловие. Набоков В. Стихи. Указ. соч. С. 1.

⁵⁷ Набоков В. Дар. Указ. соч. С. 218.

⁵⁸ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 206.

встреч, наполнились для Владимира дополнительным очарованием. «Я водил мою возлюбленную по всем потаенным лесным уголкам, в которых прежде так пылко грезил о том, как встречу ее, как сотворю. И в одной сосновой рощице все стало по местам, я разъял ткань вымысла и выяснил вкус реальности»⁵⁹. Их встречи продолжались в Петербурге. Но следующим летом наметился разлад, пришло разочарование. Тем не менее Набоков никогда не забывал своей первой любви, ее образ всплывает со дна памяти в его прозе и стихах.

В листве березовой, осиновой,
в конце аллеи у мостка,
вдруг падал свет от платья синего,
от василькового венка.

Твой образ легкий и блистающий
как на ладони я держу
и бабочкой не улетающей
благоговейно дорожу⁶⁰.

Осенью 1916 года от сердечной болезни умер дядя Владимира, Василий Рукавишников. Он скончался в одиночестве в лечебнице Сан-Манде под Парижем, в бывшем поместье Фуке, несчастного министра финансов Людовика XIV, так внезапно лишившегося власти и богатства. Был ли в этом некий знак его наследнику?

Владимир продолжал учиться в Тенишевском училище. Осенью 1917-го, после октябрьского переворота и падения Временного правительства Набоковы опасались возможной мобилизации старших сыновей в большевистскую армию. Графиня С. В. Панина предложила семье Владимира Дмитриевича свое поместье в Гаспре, в Крыму. Но В. Д. Набоков, которого выдвинули в Учредительное собрание, должен был оставаться в Петербурге. Он написал поразительный по точности, честности и разоблачительной силе документ-воспоминания «Временное правительство и большевистский переворот», который затем был издан в Берлине И. Гессеном. Первыми в Крым уехали Владимир и Сергей. В свой последний день в столице (15 ноября 1917 года) Набоков написал стихотворение, посвященное матери, в котором сожалел, что ей больше не придется гулять по любимой Выре.

Большая семья Набоковых, братья, их жены и дети, переехала в Крым. Владимир Набоков пробыл в Крыму с ноября 1917-го по апрель 1919 года. Это была короткая репетиция долгой эмиграции, которая ему предстояла. Но «жизнь семьи коренным образом изменилась, – вспоминал Набоков. – За исключением некоторых драгоценностей, случайно захваченных и хитроумно спрятанных в жестянках с туалетным тальком, у нас не оставалось ничего»⁶¹.

Владимир Дмитриевич стал министром юстиции в Крымском краевом правительстве, возглавляемом Соломоном Крымом, и уехал в Симферополь. Его семья поселилась в Ливадии. Владимир переписывался с Люсей. «Этим письмам ее, этим тогдашним мечтам о ней, я обязан, – писал Набоков, – особому оттенку, в который с тех пор окрасилась тоска по родине. Она впиалась, эта тоска, в один небольшой уголок земли, и оторвать ее можно только с жизнью»⁶². Эти слова сказаны писателем, которому было уже за пятьдесят, и что касается тоски по родине, то к этому времени он успел вкусить всю силу и мучительность этой хронической боли.

⁵⁹ Набоков В. Память, говори. Указ. соч. С. 515.

⁶⁰ Набоков В. Первая любовь. (1930) // Набоков В. Стихи. Указ. соч. С. 233.

⁶¹ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 213–214.

⁶² Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 216.

В Крыму Владимир познакомился с М. Волошиным, сыграл в пьесе А. Шницлера «Забава», посетил Бахчисарай, страстно штудировал метрическую систему Андрея Белого, а также с восторгом перечитывал его «Петербург». Это произведение позднее он относил к четверке великих романов века: «Превращение» Кафки, «Улисс» Джойса, «В поисках утраченного времени» Пруста и «Петербург» Андрея Белого.

В 1918-м в Петербурге вышел сборник стихов его и Андрея Балашова, товарища по Тенишевскому училищу. Эта книжечка, куда включены двенадцать стихотворений Набокова, считается сегодня истинным раритетом. Есть подозрение, что она сохранилась чуть ли не в нескольких экземплярах.

В Ялте Владимир нашел учителя латыни, у которого стал брать уроки. И читал, читал запоем. «Именно в Ливадии, – вспоминал Набоков, – я завершил в 1918 году освоение русской поэзии и прозы»⁶³. И еще в Крыму он увлекся составлением шахматных задач. И, конечно, писал стихи:

Еще безмолвствую и крепну я в тиши.
Созданий будущих заоблачные грани
Еще скрываются во мгле моей души
Как выси горные в предутреннем тумане⁶⁴.

Но над Крымом нависли тучи Гражданской войны. Красные уже боролись за Перекоп. Был получен приказ эвакуироваться. 8 апреля Набоковы отправились из Ливадии в Севастополь. Город был полон беженцами. Семья министра Набокова разместилась в гостинице. В ту ночь Владимир написал стихотворение:

Не то кровать, не то скамья.
Угрюмо-желтые обои.
Два стула. Зеркало кривое.
Мы входим – я и тень моя.
.....
Я замираю у окна,
И в черной чаше небосвода,
Как золотая капля меда,
Сверкает сладостно луна.

В сумятице чувств и толчее бегства юный поэт не теряет своего мастерства: в стихотворении ведущим становится мотив желтого цвета, непосредственно связанный в культурной общей памяти с «желтым домом» – сумасшедшим домом. Но если в первой строфе он появляется именно в этом смысловом значении, то в последней – в виде поэтического знака сладостного освобождающего соединения с природой. Набоков тут (возможно, впервые) использует прием, который потом доведет в своем творчестве до ювелирного совершенства, прием выстраивания собственного художественного образа на буквализации прочтения затертой идиомы. В этом случае «медовый месяц» – первый месяц супружества – превращен им в яркий образ луны, напоминающей «золотую каплю меда» в «черной чаше небосвода».

⁶³ Цитирую по Б. Бойду фразу В. Набокова, которая неоднократно произносилась писателем в письмах к разным адресатам: *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы. Указ. соч. С. 181. Бойд пишет также, что Набоков, «подчинив себя жесткому распорядку, проанализировал по системе Андрея Белого тысячи стихотворных строк русской классики». *Бойд Б.* Указ. соч. С. 181.

⁶⁴ *Набоков В.* Еще безмолвствую (1919) // *Набоков В.* Стихи. Указ. соч. С. 21.

Министры и их семьи должны были отправиться на корабле в Константинополь. Но французское командование, союзное правительству, запросило отчет о фондах правительства и потребовало денег. Отчет был предоставлен, а денег не было. Семьи семи министров общим числом 35 человек перевели на грязное греческое судно с символическим названием «Надежда». Несколько дней, в ожидании разрешения на выход в море, люди спали на деревянных скамьях. Лишь когда с берега стали слышны пулеметные очереди и стало понятно, что красные захватили высоты вокруг города, «Надежде» разрешили покинуть порт. 15 апреля 1919 года в 11 часов вечера Набоков увидел исчезающий берег России в последний раз.

Вот как он написал об этом сам: «Порт уже был захвачен большевиками, шла беспорядочная стрельба, ее звук, последний звук России, стал замирать, но берег все еще вспыхивал, не то вечерним солнцем в стеклах, не то беззвучными отдаленными взрывами, и я старался сосредоточить мысли на шахматной партии, которую играл с отцом (у одного из коней не хватало головы, покерная фишка заменяла недостающую ладью), и я не знаю, что было потом с Тамарой»⁶⁵.

Эта сцена шахматной игры в драматический момент жизни – своеобразная иллюстрация силы личности отца и сына. Набоков, как и его отец, обладал истинным аристократизмом духа. Они никогда не теряли собственного достоинства, не поддавались панике, умели владеть собой во всех жизненных обстоятельствах. В основе такого характера лежала глубокая убежденность, что внутренний мир человека находится целиком в его собственной власти и никогда внешние события не могут поколебать душевного равновесия и привлечь к себе внимание в ущерб духовной жизни индивидуума.

В день своего двадцатилетия Владимир ступил на землю Греции. Там их ждали два брата отца с семьями. Набоковы пробыли в Афинах три недели. Кузены поехали все вместе смотреть Акрополь. Уже в Англии Набоков написал стихотворение «Акрополь».

За исключением Акрополя, Афины Набоковым не понравились. Пребывание там Владимиру скрасила короткая связь с некой русской замужней дамой, старше его, по фамилии Новотворцева. История отозвалась в «Подвиге», и остается только гадать, было ли нечто общее у героини Аллы Черносвитовой и реальной афинской возлюбленной двадцатилетнего Владимира. 18 мая 1919 года Набоковы отправились в Марсель на американском лайнере «Паннония», который плыл в Нью-Йорк «на двадцать один год раньше, чем требовалось»⁶⁶, как написал Набоков в своей автобиографии.

В танцевальном зале лайнера Владимир научился ловко танцевать фокстрот. Из Марселя на поезде семья отправилась в Париж. Три дня они прожили в фешенебельной гостинице «Grand Hotel Terminus», где обычно останавливались богатые туристы из Англии, так как поблизости был вокзал Сан-Лазар, откуда шли поезда в Лондон.

В эти дни Владимир был отправлен к Картье на роскошную улицу Мира номер 13, чтобы продать жемчужное ожерелье матери. Его костюм вызвал подозрение у приказчиков, и те уже было вызвали полицию, но, к счастью, Владимиру все-таки удалось убедить их, что он именно тот, за кого себя выдает.

Из Парижа Набоковы отправились в Лондон, где их встретил брат отца, Константин, служивший в посольстве давно свергнутого Временного правительства. Поначалу они сняли квартиру в южном Кенингстоне – дорогом районе Лондона. Но затем пришлось переехать в Челси, юго-западный район города, что был поскромнее. Денег, вырученных от продажи драгоценностей, которые «дальновидная старая горничная перед самым отъездом матери из Петербурга в

⁶⁵ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 217.

⁶⁶ Набоков В. Память, говори. Указ. соч. С. 533.

1917 году смела с туалетного столика в *pécessaire*»⁶⁷, хватило семье на год жизни в Англии и позволило оплатить Владимиру и Сергею два года учебы в Кембридже.

В Лондоне к тому времени стали появляться русские, Владимир случайно встретил своего приятеля по Тенишевскому училищу Самуила Розова, который приехал поступать в Лондонский университет. Розов одолжил Набокову аттестат об окончании училища. Когда Набоков в Кембридже предъявил этот документ членам комиссии и объяснил, что у него точно такой же, те, не зная русского, решили, что он показывает им свой аттестат, и зачислили его.

1 октября 1919 года Владимир Набоков стал студентом знаменитого Тринити-колледжа Кембриджского университета, где учились Байрон и Ньютон. Его брат, Сергей, поступил в Оксфорд, но потом также перебрался в Кембридж.

Набокову пришлось узнать непреложные правила поведения в этом университете: не валяться и не ходить по траве, носить мантию даже вечером, не возвращаться домой после полуночи, иначе штраф. Студенческий этикет требовал: никогда не здороваться за руку, не кланяться и не желать доброго утра, приветствовать знакомого широкой улыбкой, не носить пальто и шляпу, даже в холод. У каждого студента был свой университетский наставник, следивший за посещением лекций, поведением, ругавший за штрафы. Свободолюбивый Набоков, которому никто никогда ничего не запрещал, был неприятно поражен тем, что кто-то осмеливается читать ему нотации. Его наставником был известный филолог-классик Е. Гаррисон, отношения с ним у Владимира не сложились. Студентов размещали по двое в квартиру, так, чтобы у каждого была своя спальня. Соседом к Набокову подселили «белого русского», Михаила Калашникова, но, по свидетельству Владимира, он через несколько месяцев университет оставил, что, кажется, не особенно совпадает с фактами биографа. «Я часто простужался, – вспоминал Набоков, – хотя утверждение [...] будто зимой в кембриджских спальнях стоит такая стужа, что вода в умывальном кувшине промерзает до дна, совершенно неверно. На самом деле все ограничивалось тонким слоем льда на поверхности, да и тот легко разбивался зубной щеткой на кусочки, издававшие звон [...] В основном вылезание из постели не сулило никакого веселья»⁶⁸.

В первый семестр в Кембридже Владимир занимался зоологией (а возможно, и ихтиологией, как он говорил в поздние годы), но потом перешел к филологии. При ее выборе требовалось знание двух иностранных языков, в его случае: русского и французского. Во время первого семестра в Тринити он написал свою первую научную статью о бабочках Крыма – это была его первая публикация на английском языке.

В Кембридже Набоков испытал сильный приступ ностальгии. Есть поразительный по силе чувств отрывок из письма Владимира матери, написанного в кембриджский период. Его приводит в своей книге Б. Бойд:

«Мамочка, милая, – вчера я проснулся среди ночи и спросил у кого-то, не знаю у кого, – у ночи, у звезд, у Бога: неужели я никогда не вернусь, неужели все кончено, стерто, погибло? [...] мамочка, ведь мы должны вернуться, ведь не может же быть, что все это умерло, испепелилось, – ведь с ума сойти можно от мысли такой! Я хотел бы описать каждый кустик, каждый стебелек в нашем божественном вырском парке – но не поймет этого никто ...»⁶⁹.

В своей книге «Другие берега» Набоков пишет, что скоро понял, что «настоящая история моего пребывания в английском университете есть история моих потуг удержать Россию»⁷⁰. «Из моего английского камина заполыхали на меня те червленые щиты и синие молнии, кото-

⁶⁷ Набоков В. Память, говори. Указ. соч. С. 533.

⁶⁸ Набоков В. Память, говори. Указ. соч. С. 539–540.

⁶⁹ Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы. Указ. соч. С. 211–212.

⁷⁰ Набоков В. Другие берега. Указ. соч. С. 222.

рыми началась русская словесность. Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира»⁷¹. На книжном развале Владимир случайно увидел потертый четырехтомный словарь Даля, купил и стал читать его по несколько страниц ежедневно. «Страх забыть или засорить единственное, что успел я выцарапать, довольно, впрочем, сильными когтями, из России, стал прямо болезнью»⁷². Этим единственным богатством Набокова был его русский язык. Он играл в футбол и в теннис, танцевал на лондонских балах, крутил романы с прелестными женщинами, которые встречались на его пути, но главным его занятием была литература.

В начале августа 1920 года родители Набокова переехали в Берлин. Они сняли квартиру в Грюневальде у вдовы переводчика русской литературы. В их распоряжение была отдана большая русская библиотека. Владимир Дмитриевич вместе со своим старым соратником И. Гессеном стал издавать и редактировать новую русскую эмигрантскую газету «Руль», а также организовал издательство «Слово».

И. Гессен рассказывает, как они встретились с Владимиром Дмитриевичем после двух с половиной лет разлуки: «...к великой радости нашей, в Берлине мы встретили его ни на йоту не изменившимся после всех пережитых потрясений и полной потери миллионного состояния и с детства усвоенных удобств жизни. Он остался таким же бодрым, душевно уравновешенным, уверенно стоящим на раз и навсегда избранной позиции»⁷³.

Выход первого номера «Руля» совпал с крушением Врангеля. «...телеграмма о врангелевской катастрофе, – писал Гессен, – была получена утром 15 ноября, когда мы уже собирались выпускать первый номер (газета выходила днем, в три часа, и помечалась следующим днем – поэтому на первом номере значится вторник 16 ноября)»⁷⁴.

«Руль» был политической газетой, но в ней очень быстро появился большой литературный раздел, совсем как бывало в крупных русских политических газетах до революции. А позднее к «Рулю» добавилось отдельное литературное приложение «Наш мир». Первыми литературными публикациями в газете были рассказ И. Бунина и стихотворение Владимира Набокова, скрывшегося под псевдонимом Cantab. А в день Рождества 7 января 1921 года на страницах «Руля» впервые появилось имя В. Сирин. Им были подписаны фантастический рассказ «Нежить» и три стихотворения «Сказания».

Герой рассказа «Нежить» – несчастный Леший, который был изгнан из родных лесов и оказался в эмиграции: «Помнишь лес наш, ель черную, березу белую? – обращается он к рассказчику. – Вырубили... жаль было мне нестерпимо; вижу, березки хрустят, валятся, – а чем помогу? В болото загнали меня, плакал я, выл, выпью бухал, – да скоком, скоком в ближний бор. Тосковал я там; все отхлипать не мог... Только стал привыкать – глядь, бора и нет, одно сизое гарево»⁷⁵. «Я знаю, ты тоже тоскуешь, – снова зазвенел яркий голос, – но твоя тоска, по сравненью с моею буйной, ветровой тоской, – лишь ровное дыхание спящего. И подумай только, никого из племени нашего на Руси не осталось. Одни туманом взвились, другие разбрелись по миру [...] А ведь мы вдохновение твое, Русь, непостижимая твоя красота, вековое очарованье... И все мы ушли, изгнанные безумным землемером»⁷⁶. Леший так же внезапно исчезает, как и появляется, «только в комнате чудесно-тонко пахло березой да влажным мхом...»⁷⁷ О рассказе «Нежить» вспоминает в мемуарах И. Гессен: «Так трудно удержаться, чтобы не развернуть здесь перед глазами всю эту пышную словесную ткань, не насладиться проникновен-

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Гессен И.В. Годы изгнания. Указ. соч. С. 117–118.

⁷⁴ Там же. С. 121.

⁷⁵ Набоков В. Нежить // Набоков В. (В. Сирин) Указ. соч. Т. 1. С. 30.

⁷⁶ Набоков В. Нежить. Указ. соч. Т. 1. С. 31.

⁷⁷ Там же.

ной лирикой, как молния ослепляющими сравнениями...»⁷⁸ Ему, опытному редактору, было понятно, что Владимир Сирин – новый русский писатель.

Владимир Набоков выбрал псевдоним, чтобы дистанцироваться от отца, который был соредактором газеты «Руль» и часто выступал там со статьями. Выбор псевдонима был тщательно продуман: Сирин (от греч. Сирены) – райская птица из славянской мифологии с женской головой и грудью, поет дивной красоты песни о счастье и завораживает ими слушателей. Впредь все свои произведения, написанные на русском, Набоков подписывал псевдонимом – Владимир Сирин.

Летом 1921 года после блестяще сданных экзаменов Владимир и его сосед по Кембриджу Михаил Калашников отправились в Берлин. Там Калашников познакомил Набокова со своими двоюродными сестрами, Татьяной и Светланой Зиверт. Владимир сразу же увлекся младшей, шестнадцатилетней Светланой, а она – им, стройным, спортивным, светским юношей. Роман развивался стремительно, и стихи Набокова лились рекой.

Жизнь потихоньку стала выравниваться. Родители переехали в большую квартиру в центре Берлина. Там собирались их друзья и знакомые, политики и люди литературно-художественного мира русского Берлина. Отец Владимира стоял во главе большой русской газеты, а также крупного издательства «Слово» (больше его было только издательство Гржебина). В декабре 1921 года, после окончания семестра Набоков и его кембриджский друг де Калри отправились кататься на лыжах в Сан-Морис. На обратном пути они остановились в Лозанне и навестили бывшую гувернантку писателя мадмуазель Сесиль Миотон.

Несколько ранее Владимир заключил с отцом пари, что сможет перевести на русский «Кола Брюньона» Ромена Роллана и преуспел, при этом сохранив сочную телесную лексику Роллана, множество фразеологизмов и пословиц, частично придуманных самим автором. Набоков русифицировал имена героев, и в его переводе произведение стало называться «Николка Персик». Когда Владимир вновь приехал в Берлин на пасхальные каникулы, его перевод был уже набран в издательстве «Слово» и Гессен, как главный редактор, внес в корректуру свои поправки. Но Владимир не изменил ничего и все исправления стер резинкой.

28 марта 1922 года в Берлине должна была состояться лекция П. Н. Милюкова в зале Филармонии. К этому моменту в партии кадетов наметились серьезные расхождения. На съезде в Париже «Милюков и Набоков скрестили шпаги, – писал Гессен, – в результате часть кадетов вошла в образовавшийся Национальный комитет (“коалиция направо”), часть – в Учредительное собрание (“коалиция налево”)⁷⁹. Набоков считал, что надо опираться не на один класс, в частности на крестьянство, которое, по мысли Милюкова, должно восстать против большевиков, а создавать объединенный фронт всех демократических сил России. Милюков, возглавлявший крупную русскую парижскую газету «Последние новости», вел активную полемику с «Рулем».

Гессен вспоминает, как утром того же дня в редакции Набоков предложил ему напечатать приветствие Милюкову, которое заранее написал. Гессен обрадовался этой идее и поехал на встречу с Милюковым со свежестопечатанным номером газеты с приветствием к нему. Но Милюков был непреклонен и считал примирение невозможным. Вечером зал Филармонии был полон. Лекция Милюкова называлась «Америка и восстановление России». Когда закончилась первая часть, из зала выскочил человек и с криком «За царскую семью и за Россию!» выстрелил в Милюкова. Но промахнулся. Прежде чем окружающие поняли, в чем дело, Владимир Дмитриевич Набоков сбил стрелявшего с ног и пытался его обезоружить. И тогда на сцену выскочил второй человек и три раза выстрелил в Набокова. Две пули попали в позвоночник, одна – в

⁷⁸ Гессен И.В. Годы изгнания. Указ. соч. С. 98.

⁷⁹ Гессен И.В. Годы изгнания. Указ. соч. С. 45.

сердце. Набоков умер на месте. Первым стрелявшим был Петр Шабельский-Борк, вторым – Сергей Таборицкий. Оба они принадлежали к русским ультра-правым, которые считали, что Милюков в ответе за Февральскую революцию. С приходом Гитлера к власти С. Таборицкий и П. Шабельский-Борк стали членами национал-социалистической партии, а в 1936-м – заместителями председателя управления по делам российской эмиграции (УДРЭ), организации, которую курировало гестапо.

Сохранилась дневниковая запись Владимира о трагическом вечере 28 марта. Он рассказывает, как после счастливого дня со Светланой был вечером дома с матерью и читал ей стихи Блока об Италии. И вдруг раздался телефонный звонок. Звонил Гессен, который сообщил, что с отцом «большое несчастье», и просил приехать в зал Филармонии. Владимир пишет, как пытался успокоить мать, но она, как и он, почувствовала, что отца больше нет. По дороге в такси он вспоминал вечер накануне, разговор с отцом об опере «Борис Годунов». И о том, как отец передал ему газеты в дверную щель, от этого жеста Владимиру стало страшно, потому что руки не было видно⁸⁰.

Стоп! Не воспоминание ли об этом последнем разговоре подсказало Набокову первую часть фамилии для его героя, пишущего роман о погибшем отце, – Годунов – в «Даре»? Цепкая память писателя сохраняла все детали произошедшей катастрофы.

На смерть отца Набоков написал стихотворение «Пасха», которое было напечатано в «Руле».

В мае Владимир вернулся в Кембридж, нужно было сдавать последние экзамены. И он их сдал блестяще. 20 июня состоялась церемония награждения: Владимир и Сергей Набоковы оба получили степень бакалавра второго класса.

На следующий день Владимир поехал в Берлин.

«Николка Персик» печатался в августовских и сентябрьских номерах газеты «Руль» и в том же 1922 году вышел отдельной книгой в издательстве «Слово». Спор с отцом Владимир выиграл, но отца в живых уже не было. Тогда же летом Набоков подписал с издательством «Гамаюн» в Берлине договор о переводе «Алисы в Стране чудес».

В декабре 1923 года Елена Ивановна, сильно постаревшая после гибели мужа, с тремя младшими детьми переехала в Прагу, где правительство Т. Масарика выплачивало русским эмигрантам пособие в рамках так называемой Акции помощи.

Владимир переживал тяжелую депрессию. Он сделал предложение Светлане, и ее родители согласились на помолвку при условии, что он найдет себе постоянное место. Братья Набоковы устроились в банк, но Владимир ушел оттуда в тот же день, а Сергей через неделю. Подневольная жизнь служащего была для Набокова неприемлема. Для творчества ему нужна была свобода. Владимир предпочитал зарабатывать на жизнь уроками французского, английского, тенниса и бокса.

К счастью, жизнь в Берлине после инфляции резко подешевела. Немецкая рейхсмарка находилась в состоянии свободного падения. Если в сентябре 1921 года доллар стоит 101 марку, то в октябре 1922 года – уже 4475 марок, а в ноябре 1923 года – 4,2 миллиарда марок. Все больше эмигрантов перебирались в столицу Германии из-за дешевизны. К концу 1921 года этот город стали называть «мачехой городов русских». Только книжных русских издательств там было 86.

В 1922-м у Набокова вышел перевод повести Роллана «Николка Персик», а в 1923-м – сказки Льюиса Кэрролла «Аня в стране чудес». Специалисты и по сегодняшний день считают его одним из лучших переводов этой книги на русский. Кроме того были опубликованы два сборника стихов В. Сирина: «Гроздь» в декабре 1922 года и «Горный путь» в январе 1923 года.

⁸⁰ Эту запись привел в своей книге Б. Бойд. См.: *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы. Указ. соч. С. 227–229.

Но эти успехи молодого литератора не убедили Зивертов, что их дочь с Владимиром ждёт материальное благополучие. Условия выполнены не были, и 9 января 1923 года ему объявили, что помолвка со Светланой расторгнута. Девушка подчинилась воле родителей. Зинаида Шаховская вспоминала, что встретила со Светланой в 1946 году, когда приехала в Бельгию навестить мать. Светлана жила в Льеже и была замужем за русским эмигрантом, у нее был сын. Она показалась Шаховской статной, красивой, но грустной.

Боль от потерь мучила Владимира, и чтобы набраться сил, он решил наняться сезонным рабочим в поместье, где управляющим был агроном и виноградарь Соломон Крым, бывший глава Крымского краевого правительства, в котором отец Набокова занимал пост министра юстиции.

Восьмого мая, за два дня до поездки на юг Франции, Набоков отправился на благотворительный бал русских эмигрантов. На балу он обратил внимание на женщину в черной маске. Ее профиль напоминал волчий. Они познакомились, но она маску снять отказалась. Это была Вера Слоним.

На юге, на ферме он написал стихотворение «Встреча», к которому взял эпиграфом строку из «Незнакомки» А. Блока: «И странной близостью закованный...»:

Тоска, и тайна, и услада...
Как бы из зыбкой черноты
Медлительного маскарада —
На смутный мост явилась ты...

И ночь текла, иплыли молча
В ее атласные струи —
Той черной маски профиль волчий
И губы нежные твои...⁸¹

Таинственное предчувствие прорвалось в последних строках стихотворения:

Еще душе скитаться надо.
Но если ты – моя судьба...⁸²

Работа на ферме вернула Владимира к жизни. Он собирал черешни, абрикосы, персики, работал в поле, пил дешевое вино с другими рабочими, плавал в реке, загорал, ловил бабочек, когда выдавались свободные часы, и писал. Он подружился с Соломоном Крымом. Ему дали отдельную комнату, и он написал стихотворную драму «Дедушка».

⁸¹ Набоков В. Стихи. Указ. соч. С. 106.

⁸² Набоков В. Стихи. Указ. соч. С. 107.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.